

УДК 93
ББК 63.3
М-39

Мирзаканова Елена Андемиркановна, заместитель начальника отдела использования документов и методической работы Управления центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики, т.: 8(928)6946333.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЗАПАДНЫХ
АДЫГОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.**
(рецензирована)

В статье проанализированы особенности социально-политической организации западноадыгских субэтнотосов в первой трети XIX в. Рассмотрен механизм функционирования представительных органов власти в Западной Черкесии, показаны различные формы политических объединений.

Ключевые слова: адыги, Северо-Западный Кавказ, политический строй, органы власти, социальная история.

Mirzakanova Elena Andemirkanovna, deputy head of the department of document management and methodical work of the Central State Archive of the Archive Service of Kabardino -Balkaria, tel.: 8 (928) 6946333.

**SOCIAL AND POLITICAL STRUCTURE OF THE WESTERN ADYGHES
IN THE FIRST THIRD OF XIX CENTURY**
(reviewed)

The article analyzes the characteristics of the social and political organization of the western Adygh sub nationalities in the first third of the XIX century. The mechanism of functioning of representative government in the Western Circassia has been considered, various forms of political associations have been shown.

Keywords: Circassians, Northwestern Caucasus, political system, authorities, social history.

Западная Черкесия предстает перед нами в начале XIX в. раздробленной и разобщенной в политическом отношении страной. Все источники того времени единодушно свидетельствуют об отсутствии у адыгов единого, централизованного государства. Швейцарский ученый Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший причерноморскую Черкессию в 1833 г., отмечал про адыгов: «Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свою свободу...» [1, с. 438]. Спустя четыре года об этом же писал Д. Белл: «Общественное мнение и установленные обычаи – вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел... Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью – всем тем, что отличает этот народ в его повседневных взаимных сношениях» [2, с. 479].

Представители российской военной администрации на Кавказе также указывали на политическую раздробленность адыгов. Начальник Черноморской береговой линии генерал А.И. Будберг сообщал своему начальству в ноябре 1843 г.: «Адыге не составляют общества благоустроенного, не имеют ни начальников, ни подчиненных; не знают власти и повиновения...» [3, л. 29]. Такого же мнения придерживается полковник Вревский, писавший, что «... черкесы... совершенно чужды порядку благоустроенного правления, коему предпочитают волнения необузданного своеволия и дикой независимости» [4, л. 6].

«Демократические» субэтнические группы составляли подавляющее большинство всех адыгов [5, с. 44]. Князей у них не было, а сохранившееся дворянство было лишено политической власти. Большой знаток истории и этнографии адыгов Л.Я. Люлье следующим образом описывал политическое устройство «демократических» субэтнических групп: «I. Общественное управление, как не имеющее главы, республиканское. II. Законодательная и распорядительная власти имеют начало свое в народе; следовательно и управление должно считаться демократическим. III. Способов созывать депутатов или представителей народных

два: первым из них от каждого племени назначается определенное число доверенных лиц, для выбора которых племя должно предварительно собраться; вторым же выбор делается: у магометан от джемагата, а у жителей побережья морского, где еще не водворился закон Магомета от тгахапха, которые можно сравнить с нашими церковными приходами. Преимущественно же употребляется последний способ» [6, с. 22]. Г.В. Новицкий также отмечал, что после переворота конца XVIII в. абадзехи, шапсуги и натухайцы учредили у себя суд присяжных. Территория, населенная ими, делилась на округа, в каждом из которых управляли избранные народом старейшины [7]. По сведениям, собранным К.Ф. Сталем во время его пребывания на Северо-Западном Кавказе, абадзехи подразделялись на общества (хабль), независимые друг от друга. Каждое общество, по его мнению, делилось, в свою очередь, на определенное количество общин (псухо) [8, с. 154].

К.Ф. Сталь приводит названия некоторых абадзехских обществ: туба, тем-даши, джангет-хабль, даур-хабль, нежуко-хабль, гатюко-хабль и тфишебс [9, с. 154]. А.Н. Дьячков-Тарасов именовал Абадзехию «демократическим государством» [10, с. 20]. Деревни абадзехов управлялись «старшинами».

Система управления у абадзехов, шапсугов и натухайцев получила емкую характеристику у С. Хан-Гирея, писавшего, что они «... избирают старшин в присяжные судьи, каковых судей каждый тххашь, или приход, имеет по несколько человек; они разбирают частные дела своих соприсяжников. Когда же бывают дела, касающиеся до всего племени, то старшины эти съезжаются в одно место, где каждый из них, будучи представитель своего рода, или колена рассматривает предметы требований общественного благосостояния...» [11, с. 137-138]. Институт присяжных судей, таким образом, играл весьма важную роль в организации управления у адыгских «демократических» субэтнических групп.

И.Ф. Бларамберг писал в 1833 г., что территория абадзехов, шапсугов и натухайцев делилась на округа и в каждом округе имелся суд – «хас» [12, с. 104]. Один из представителей военной администрации отмечал: «... Происхождение всех нынешних подразделений племени Адыге не есть ни географическое, ни этнографическое, а имеет начало единственно в прежних вековых раздорах и домашних войнах этого племени... Это несколько похоже на подразделения феодальной системы, но без верховного владыки и без веры» [13, л. 33 об].

Можно, сопоставляя данные различных источников, восстановить следующую систему административно-политического деления территории, занимаемой в первой трети XIX в. абадзехами, шапсугами и натухайцами: несколько семейств составляли соседскую общину, охватывавшую аул (куадж). Определенное количество куаджей, находившихся в горном ущелье или в долине одной реки объединялись в округ – «псухо». Впоследствии, эти округа были, как мы увидим ниже, объединены в Конфедерацию «демократических» субэтнических групп.

В общественном управлении у абадзехов, шапсугов и натухайцев важную роль играли народные собрания. Некоторые источники XIX в. именуют эти собрания мирскими сходками и обозначают термином «зауча» [14, с. 155]. Отдельные исследователи архаизируют адыгские народные собрания, преуменьшают степень их влияния на политическое развитие общества и даже сравнивают с собраниями эпохи родового строя [15, с. 212-218, 437-438].

Адыгские народные собрания являлись сословно-представительными собраниями феодальной эпохи и выполняли ряд важных политико-управленческих функций. Правомерно, на наш взгляд, обозначать их термином «хасэ». Адыгские народные собрания, именуемые далее в тексте хасэ, созывались для решения важнейших вопросов жизни общества, проблем войны и мира [16, с.531]. Один из современников описываемых событий отмечал: «Все частные дела некоторой важности, как например – спор двух семейств о земле, спор об убийстве важного человека, о похищении из знатного дома жены или дочери и дела общественные, как-то: о войне или мире с соседственным народом или о покорности русским, разбираются и получают решения в народных собраниях» [17, с. 42].

Адыгские хасэ имели демократический характер. Ф. Дюбуа де Монпере отмечал: «Мы видим, таким образом, что нет больших республиканцев, чем черкесы, несмотря на законы феодализма, которые весьма четко делят этот народ на касты. Сам князь (в «аристократических» субэтносах. – Авт.) обязан всегда советоваться со своим собранием по всем вопросам, не касающимся внутренних дел его семьи и его хозяйства» [18, с. 40]. Отдельное лицо могло повлиять на решения народного собрания не благодаря своему происхождению и социальному

положению, а вследствие своих личных качеств. Дж. Лонгворт, посетивший Черкесию в 1839 г., в своей книге «Год среди черкесов» писал по этому поводу: «Возраст, опыт, доблесть и красноречие имеют должный вес и влияние, и хотя они приспособлены и облачены в одежды, отвечающие предрассудкам народа, они превращают своих носителей в непререкаемых выразителей общественного мнения» [19, с. 547]. С мнением Дж. Лонгворта согласуются слова К.Ф. Сталя, также утверждавшего, что на народных собраниях можно было возвыситься благодаря удалившему, храбрости и другим личным качествам. Красноречивого, храброго и разумного человека называли тлеубзыгъ – язык народа [20, с. 123,156].

Известны имена лидеров хасэ. Одним из них был Хауд Оглу (точнее: Хаудуко. – Авт.) Мансур, которого иногда называли «королем страны» [21, с. 551]. В 1839 г. он жил в 50 верстах от Анапы на р. Псебепс [22, л. 3об.]. Признанным вождем был Шамуз Шупако. В боях за свободу Черкесии против царских колонизаторов он потерял 32 родственника, в том числе двух братьев. Они умерли со славой и он надеялся сделать то же самое. Дж. Лонгворт оставил нам описание внешности Шамуза: «...когда мне его представили, я увидел человека скромного, но полного достоинства, с длинной белой бородой, высокого, худощавого и прямого. Всю свою жизнь он провел в войнах и приключениях, начав свою карьеру при осаде Измаила... Короче говоря, он был весь покрыт шрамами и рубцами, памятками о боях, о многих из которых он уже давно забыл» [23, с. 551]. Почитаемым политиком и военным вождем был Тугужуко Кизбеч (именовавшийся в источниках именем «Хаджи Гуз-бек» – Авт.). Его прозвали «Львом Черкесии» [24, с. 30].

Известным абадзехским политиком был Зеккерий Хатко, благодаря которому в 1847 г. была достигнута политическая централизация Абадзехии и создано из пяти народных судов одно общее мягкеме [25, с. 157]. Прославился своей борьбой против царских колонизаторов Хаджи-Дунакай [26, с. 156] лидер абадзехского хасэ.

Одной из важнейших функции народных собраний у абадзехов, шапсугов и натухайцев была организация борьбы за независимость против войск царской России. На хасэ заключались договоры между различными адыгскими субэтническими группами о совместных военных действиях, обсуждались меры в отношении агентов российской разведки, разрабатывались действия против явных и тайных сторонников царизма [27, л. 4 об.].

Хасэ ведали сношениями с Турцией и западноевропейскими державами. Адыгские представители пытались добиться у них помощи в неравной борьбе с царизмом. Так, по данным российской разведки, в октябре 1843 г. на народном собрании было принято решение направить в Константинополь представителей от абадзехов, шапсугов и натухайцев для исходатайствования помощи от Турции [28]. Народные собрания также решали вопросы преодоления бедствий чрезвычайного характера, таких, как голод и эпидемии [29, с. 11].

Не существовало определенного места или времени для проведения заседаний хасэ. Они созывались по мере необходимости. Собрания происходили под открытым небом, в священных рощах, в местах, памятных какими-нибудь важными событиями. Дж.А. Лонгворт вспоминал: «Когда мы подъехали к дому нашего кунака, взглянув налево, я начал понимать, что из себя представляет палата национального собрания Черкесии – превосходная дубовая роща, полностью очищенная от подлеска, в тенистой и прохладной сени которой, вокруг поросших мхом стволов, служивших как бы опорами массивной крыше из листвы, сидели на дерне таматы, или старейшины, по-видимому, захваченные серьезными дискуссиями. Оружие было снято, и повсюду виднелись лошади, привязанные к сучьям деревьев (под седлом и взнузданные)» [30, с. 548].

Длительность собрания зависела от характера обсуждавшихся вопросов. Например, в мае 1846 г. на р. Адагуме состоялось по инициативе эфенди Гаджук Магмета собрание представителей натухайцев и шапсугов, длившееся 10 дней [31]. Количество участников собрания могло составлять цифру от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Так, на одном народном собрании, в заседании которого участвовал А. Фонвилль, присутствовало четыре тысячи человек [32, с. 12]. Работу собрания этот автор охарактеризовал как «натуральный парламентаризм».

Адыгские народные собрания отличались высокой дисциплинированностью и четким соблюдением установленных норм поведения. О «необыкновенном порядке», царившем на адыгских собраниях, сообщают источники российского происхождения [33, л. 24-24 об.]. Об

этом же говорят и иностранные источники. Цитировавшийся нами выше Дж. А. Лонгворт писал об этом следующим образом: «Сцена, которую я только что описал, позволяет составить некоторое впечатление о характере этих собраний, на которых, добавил бы я, царят порядок и приличие. Шум, крики, брань никогда не допускаются...» [34, с. 548]. Каждый мог выступить на народном собрании, но редко на это отваживался человек моложе 40 лет. Почитание старших было обычаем, свято соблюдавшимся адыгами.

Исследователи обратим внимание на то обстоятельство, что в первой трети XIX в. у демократических субэтносов существовал дуализм представительных органов, опиравшихся как на территориальные объединения, так и на т.-н. «братства». Об адыгских «братствах» будет сказано ниже. Говоря о территориальных объединениях, отметим, что для решения вопросов, общих для Конфедерации абадзехов, шапсугов и натухайцев, избирались на собрания депутаты от каждого округа – «псухо». Как писал Н. И. Карлгоф «обыкновенно посылаются в собрания старики из каждой долины, давно известные народу и внушившие к себе полное его доверие» [35, с. 532]. Представители избирались у мусульман от джемагата, а у язычников от тгахапха [36, с. 22].

Представители всех свободных сословий черкесского общества могли принимать участие в работе народных собраний. До переворота конца XVIII в. ведущие позиции в хасэ у абадзехов, шапсугов и натухайцев занимали феодалы. После переворота верховенство в политической сфере перешло к тфокотлям. Роль тфокотлей в народных собраниях зафиксирована в нормах обычного права. В «Адатах черкес бывшей Черноморской кордонной линии», записанных войсковым старшиной Кучеровым в 1845 г., указывалось: «Свободный черкесский народ (здесь имеются в виду тфокотли. – Авт.) имеет свой голос в общественных собраниях, где рассуждается о предприятиях к набегам и других предметах, относящихся к народности. В такие собрания обыкновенно отправляются представители сего сословия, по избранию оно, из опытнейших и известных умом людей, которые что предпримут сделать, то народ уже выполняет беспрекословно» [37, с. 145].

Недостатком адыгских представительных собраний следует считать установившийся порядок принятия решений. Для выработки решения недостаточно было даже подавляющего большинства голосов участников хасэ. Требовалось полное единогласие. Очевидец описываемых событий, Дж.А. Лонгворт писал об этом: «... для решения какого-нибудь вопроса простого большинства недостаточно; если они не пришли к единому мнению, они расходятся, не приняв никакого решения, так как ни один из них не будет подчиняться мнению, которое он не разделяет» [38, с. 549]. Таким образом, один несогласный мог перечеркнуть мнение большинства. Это препятствовало превращению хасэ в полновесный орган государственной власти. Между тем внутренние и внешние обстоятельства неумолимо требовали политической консолидации Черкесии. Необходимость политической реформы стала очевидной.

При принятии народным собранием определенного решения, об этом объявлялось народу, который присягал его выполнить. После принятия присяги составлялся письменный документ – дефтер, к тексту которого члены хасэ прикладывали свои печати или пальцы, смоченные в чернилах [39, с. 157]. Особенностью адыгских народных собраний являлось также то, что они были не только политическими, но и судебными органами. Как писал К. Кох, «в обязанность народных собраний входит регламентировать внутренние дела, и поэтому они являются единственными отправителями правосудия» [40, с. 585]. Мнение К. Коха подтверждается свидетельством Ф. Дюбуа де Монпере [41, с. 165]. По его материалам, например, для разбирательства убийств избиралось до 15 судей. Таким образом, налицо была взаимозаменяемость традиционного собрания с судебным учреждением. Для решения военных вопросов созывались собрания, именовавшиеся военными советами цавацауч [42, с. 165] (зэо-зэ1ук1). По материалам Т. Лапинского, в расширенный военный совет входили по двое старшин (тамад) от каждого ста дворов (юнэ-из), а также старшины каждого десяти дворов близлежащих территорий, которым угрожала военная опасность. Расширенный военный совет избирал главного предводителя [43, с. 158].

При этом следует отметить такую характерную особенность политического строя абадзехов, шапсугов и натухайцев в первой трети XIX в., как отсутствие у них органов исполнительной власти. За неимением таких органов, не было средств для претворения решений представительных собраний в жизнь. В связи с этим народные собрания зачастую носили совещательный характер. Это затрудняло процесс развития государственности.

Вместе с тем нарастание угрозы со стороны царизма настоятельно требовало единения

сил и создания механизма государственной власти. Постепенно народные собрания приобретали правительственные функции. Вдумчивые наблюдатели того времени обратили на это внимание. Дж.А. Лонгворт писал в 1839 г.: «... давление извне, вызванное амбициями России, привело к более широким комбинациям и к выражению уже общенациональных интересов, к превращению советов в большей мере в руководящие органы... поскольку ощущение опасности росло, советы приобретали все более важное значение» [44, с. 547,548]. Сказанное подтверждается и документальными материалами российских архивов. В одном из них утверждается, что «в последнее время, вследствие успехов русского оружия, народные собрания происходили весьма часто и предметом совещаний было наиболее политическое положение страны и вследствие того внутреннее управление племенами перешло в эти собрания...» [45, л. 31].

Каковы были тенденции развития государственно-политического строя у западноадыгских «аристократических» субэтнических групп в первой трети XIX в.? Источники того времени дают представление о характере политического устройства у равнинных адыгов. Г.-Ю. Клапрот, посетивший Северный Кавказ в 1807-1808 гг., писал об адыгах: «Если сделать попытку этому государственному строю дать название, его можно было бы назвать республиканско-аристократическим» [46, с. 85]. Ж.-В.-Э. Тебу де Мариньи назвал в 1818 г. адыгские владения феодальными республиками [47, с. 293]. Политический строй равнинных адыгов И.Ф. Бларамберг считал аристократически-республиканским [48, с. 81]. Ф. Дюбуа де Монпере отмечал: «Нынешнее состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии, или героической аристократии в античной Греции. Устройство общества чисто феодальное: кастовый дух так же силен, как некогда во Франции или Германии» [49, с. 437]. Адыгский автор XIX в. А.Г. Кешев пришел почти к тем же выводам, что и Ф. Дюбуа де Монпере. «Черкесы занимали в период своего падения, – писал А.-Г. Кешев, – относительно социального устройства и двигающего всей их жизнью духа, почти то самое положение, какое народы Западной Европы пережили в эпоху феодализма» [50, с. 127].

Политические образования у западноадыгских субэтнических групп С. Хан-Гирей обозначал термином «владения» [51, с. 149-150]. Такой же термин использовал известный адыговед В.К. Гарданов, писавший, что «каждое адыгское племя жило в значительной мере обособленно от других племен, а внутри племени, как правило, имелось несколько самостоятельных феодальных владений, возглавлявшихся в «аристократических» племенах князьями, а в «демократических» – первостепенными уорками или старшинами» [52, с. 177]. Однако довольно расплывчатый термин «владение» не раскрывает, на наш взгляд, сущности политических образований у западноадыгских «аристократических» субэтнических групп. Более удачным представляется обозначение их термином «княжество», применяемое В.Х. Кажаровым и М.Н. Губжоковым [53, с. 69-72, 84-85, 66-71].

Княжества у адыгов были монархиями. Верховная власть в каждом княжестве принадлежала старшему по возрасту представителю правящей княжеской фамилии. С. Хан-Гирей писал по этому поводу в 1836 г.: «В племенах, зависящих от власти князей, или в так называемых княжеских владениях... старшему князю присвоено обычаями, заменяющими там законы, звание князя-старшины (пшь-тххамаде), с каковым званием сопряжена власть и обязанность, так сказать, председательствовать в управлении владением: младшие его летами князя должны ему повиноваться в общественных делах» [54, с. 132]. По словам К.Ф. Сталя «... когда говорится о князе, как о владельце деревни (куодж), то он называется куодже-пши; когда говорится об этом же князе, как начальнике, владельце народа (чилле), то он называется чиле-пши» [55, с. 144]. Князья-тхамады управляли княжеством, опираясь на дворян-уорков. Из представителей дворянства избирались судьи, именовавшиеся «присяжными судьями (тххарьохас)» [56, с. 132-133]. Эти судьи занимали важное место в системе управления княжеством.

Управление осуществлялось через специальных должностных лиц, которых называли биеколями. «Биеколы, – свидетельствует С. Хан-Гирей, – необходимы для власти князей: они, объезжая аулы, от имени своих князей собирают для этих последних все потребное от поселян из сельского их произведения; они же взыскивают пеню с вольных земледельцев, буде кто подвергнется штрафованию... и исполняют и другие поручения, которых князья не могут

возлагать на дворян...» [57, с. 121]. Политический строй западноадыгских княжеств нельзя охарактеризовать как абсолютную монархию. Власть старшего князя в определенной степени ограничивалась народными собраниями и сильными дворянскими фамилиями. Скорее всего это была сословно-представительная монархия.

На Северо-Западном Кавказе существовало шесть адыгских княжеств: Бесленеевское, Махошское, Темиргоевское, Хатукайское, Хамышеевское и Черченеевское.

Общественный строй характеризовался господством феодальных отношений. В политическом отношении страна адыгов была раздробленной. У ряда субэтносов (абадзехов, шапсугов и нагухайцев) существовало демократическое политическое устройство. Вместе с тем были княжества у равнинных адыгов.

Литература:

1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII – XIX вв. Нальчик, 1974 .
2. Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
3. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6485.
4. Обзор Черноморской береговой линии, составленный полковником бароном Вревским в 1845 г. // Там же. Д. 19256. Ч. 1.
5. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв. М., 1967.
6. Люлье Л.Я. Черкесия: историко-этногр. ст. Краснодар, 1927.
7. Новицкий Г. В. Указ. соч. №24.
8. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21.
9. Там же.
10. Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи : историко-этногр. очерк // Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис, 1902. Кн. 22, вып. 4.
11. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978.
12. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
13. Рапорт начальника Черноморской береговой линии И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину от 22 января 1842 г. // ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 11.
14. Сталь К. Ф. Указ. соч.
15. Бушуев С.К., Зевакин Е.С. Политический строй Адыгеи // Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1.; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
16. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. М., 1860. Т. 28, кн. 2; Сталь К. Ф. Указ. соч.
17. Колюбакин Н. Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских (Извлечение из записок) // Кавказ. Тифлис, 1846. №11.
18. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Майкоп, 1997 // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
19. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
20. Сталь К.Ф. Указ. соч.
21. Адыги, балкарцы, карачаевцы ...
22. Об обозрении восточного берега Черного моря генералом Раевским в апреле месяце 1839 г. // ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62.
23. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
24. Хавжожо Жанбек. Герои Западной Адыгеи // Горцы Кавказа. 1934. №48.
25. Сталь К.Ф. Указ. соч.
26. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
27. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 833.
28. Копия с секретного донесения российского посланника в Константинополе В. Титова вице-канцлеру К. Нессельроде от 4 ноября 1843 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6485.

29. Хапачева Р.В. Адыгские народные собрания – истоки, развитие, функции. Майкоп, 2000.
30. Адыги, балкарцы, карачаевцы ...
31. Рапорт воинского начальника Варениковского укрепления есаула Барыш-Тищенко временно командующему Черноморской кордонной линией, ген.-майору Г.А. Рашпилю от 4 июня 1846 г. // ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 846.
32. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Краснодар, 1927.
33. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9.
34. Адыги, балкарцы, карачаевцы ...
35. Карлгоф Н. Указ. соч.
36. Люлье Л.Я. Указ. соч.
37. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Майкоп, 1997.
38. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
39. Сталь К.Ф. Указ. соч.
40. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
41. Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик, 1993.
42. Там же.
43. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
44. Лонгворт Дж.А. Указ. соч. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
45. Пояснительная записка о личных правах туземного населения Кубанской области // ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9.
46. Культура адыгов ...
47. Тебу де Мариньи Ж.-В.-Э. Путешествия в Черкесию // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
48. Бларамберг И. Указ. соч.
49. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Нальчик, 1974 .
50. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
51. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
52. Гарданов В.К. Указ. соч.
53. Кажаров В.Х. Указ. соч.; Губжоков М.Н. Эволюция традиционной политической культуры западно-адыгских княжеств в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. I.
54. Хан-Гирей. Указ. соч.
55. Сталь К. Ф. Указ. соч.
56. Хан-Гирей. Указ. соч.
57. Там же.

References:

1. *ABKIPEA in XIII- XIX centuries. Nalchik, 1974.*
2. *Bell D. Diary of stay in Circassia during 1837, 1838 and 1839 // ABKIPEA in XIII- XIX centuries. Nalchik, 1974.*
3. *RSMHA. F. VDA. D. 6485.*
4. *Overview of the Black Sea coastline, compiled by Colonel Baron Vrevsky in 1845 // The same. D. 19256. P.1.*
5. *Gardanov V.K. Social system of the Adyghe people (XVIII - first half of XIX century). M., 1967.*
6. *Lulie L.Y. Circassia: historical and ethnographic articles. Krasnodar, 1927.*
7. *Novitsky G.V. The mentioned work. № 24.*
8. *Stal K.F. Ethnographic sketch of the Circassian people // The Caucasian collection. Tiflis, 1900.*

V. 21.

9. *The same.*
10. Dyachkov-Tarasov A.N. *The Abadzekhs: historical and ethnographic study // Notes of the Caucasian department of the Emp. Russian Geographical Society. Tiflis, 1902. Book 22. Iss. 4.*
11. Khan - Giray. *Notes on Circassia. Nalchik: Elbrus, 1978.*
12. Blaramberg I. *The Caucasian manuscript. Stavropol, 1992.*
13. *Report from the commander of the Black Sea coastline I.R. Anrep to the commander of the Caucasian Corps E.A. Golovin on January 22, 1842 // SAKK. F. 260. Op. 1. D. 11.*
14. Stal K.F. *The mentioned work.*
15. Bushuyev S.K., Zevakin E.S. *Political system of Adyghea // Essays on the History of Adyghea. Maikop, 1957. V. 1.; Bliev M.M., Degoev V.V. The Caucasian war. M., 1994.*
16. Karlhof N. *On the political structure of the Circassian tribes on the north-eastern shore of the Black Sea // The Russian Bulletin. M., 1860. V. 28. Book 2; Stal K.F. The same.*
17. Kolyubakin N. *A look at social and moral life of the Circassian tribes (Extract from notes) // Caucasus. Tiflis, 1846. № 11.*
18. *Legal norms of the Adyghe and Balkarian - Karachais in XV-XIX centuries. Maikop, 1997// ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
19. ABKIPEA. Nalchik, 1974.
20. Stal K.F. *The same.*
21. ABKIPEA.
22. *Review of the eastern shore of the Black Sea by General Raevskii in April 1839// SAKK. F. 260. Op. 1. D. 62.*
23. Longworth J.A. *Year among the Circassians // ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
24. Khavzhoko Zhanbek. *Western Heroes of Adyghea // Caucasian highlanders. 1934. № 48.*
25. Stal K.F. *The same.*
26. Dubrovin N. *The Circassians (Adyghe). Krasnodar, 1927.*
27. SAKK. F. 261. Op. 1. D. 833.
28. *Copy of the secret reports of the Russian envoy in Constantinople V. Titov to Vice-Chancellor K. Nesselrode on November 4, 1843// RSMHA. F. VDA. D. 6485.*
29. Khapacheva R.V. *Adyghean popular assemblies - the origins, development, functions. Maikop, 2000.*
30. ABKIPEA.
31. *Report of a military chief of the Varenikovskiy strengthening of the esaul Barysh - Tishchenko to the temporary commander of the Black Sea cordon line Major - General G.A. Rashpil on June 4, 1846 // SAKK. F. 261. Op. 1. D. 846.*
32. Fonvill A. *Last year of the Cherkessian war for independence in 1863-1864. Krasnodar, 1927.*
33. SAKK. F. 348. Op. 1. D. 9.
34. ABKIPEA.
35. Karlhof N. *The same.*
36. Lulje L.Y. *The same.*
37. *Legal norms of the Adyghe and Karachai-Balkarians in XV-XIX centuries. Maikop, 1997.*
38. Longworth J.A. *A year among the Circassians // ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
39. Stal K.F. *The same.*
40. Koch K. *Journey through Russia and Caucasian lands // ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
41. *The Adyghean culture (according to the testimony of European authors). Nalchik, 1993.*
42. *The same.*
43. Lapinsky T. *The Caucasian highlanders and their liberation struggle against the Russians. Nalchik, 1995.*
44. Longworth J.A. *The same. // ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
45. *Explanatory note on the personal rights of the native population of the Kuban region // SAKK. F. 348. Op. 1. D. 9.*
46. *Culture of the Adyghe ...*
47. Tebu de Marigny ZH.-V.-E. *Travels in Circassia // ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
48. Blaramberg I. *The same.*
49. Dubois de Monpere F. *Journey to the Caucasus, the Circassians and Abkhazians, to Colchis, Georgia, Armenia and the Crimea // ABKIPEA in XIII- XIX. Nalchik, 1974.*
50. *Selected Works of the Adyghean educators. Nalchik, 1980.*

51. Khan - Giray. *Notes on Cherkessia*. Nalchik, 1978.
52. Gardanov V.K. *The same*.
53. Kazharov W.H. *The same*; Gubzhokov M.N. *Evolution of the traditional political culture of Western Adyghean principalities during the Caucasian War // Information- analytical bulletin*. Maikop, 1999. Iss. I.
54. Khan - Giray. *The same*.
55. Stal K.F. *The same*.
56. Khan - Giray. *The same*.
57. *The same*.